

„Самостоятельное мышление” — как надолго? „Совесть как высший императив” — даже если вам это не нравится?

Мы все же желаем вам успеха. Так держать! Вас ожидают еще более смелые открытия: о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей, например. Но, что бы ни открыли, оставьте нас в покое, особенно, если вам этого не захочется.

Но я полагаю, что несмотря на мое и Биляка желание остаться в стороне, несколько бульжников из советских рудников по добыче правды обвалится на нашу голову. Таков уж закон политического резонанса между маленьким и большим тромбоном. Что-то наверняка произойдет.

Мне вспоминается анекдот о бедном еврее, который жаловался раввину, как тесно в его доме. Раввин посоветовал ему взять в дом козу, потом корову, потом теленка. Еврей поступал в соответствии с его советами. Становилось все хуже и хуже. Когда положение стало невыносимым, еврей снова пришел к раввину, и тогда тот велел ему выгнать животных из дому. Как легко стал дышать старый еврей!

Этим самым я, как социалист, хочу сказать: если у нас все же начнется процесс возрождения, то я буду ему радоваться — как тот бедный еврей.

СТАТЬИ

Зденек Млинарж

ПРОБЛЕМЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ СССР, И ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Предпринятые в прошлом попытки осуществить в СССР экономическую реформу потерпели крах не в последнюю очередь потому, что они натолкнулись на препятствия политического характера: они предусматривали перемены не только в экономической, но и в общественной и политической системах. Страх перед такими переменами превзошел, в конце концов, желание провести экономическую реформу.

И сейчас, все, кто противится политике реформ горбачевского руководства, надеются, что история повторится. В этом, как это ни парадоксально, консерваторы в СССР сходятся с теми на Западе, кто принципиально отвергает возможность советской системы эволюционировать и реформировать себя. И те и другие видят в возможной демократизации политической системы СССР угрозу монопольной власти компартии.

Я же считаю, что советскую политическую систему можно реформировать, что она может эволюционировать, и что тем самым может измениться ее качество, и что это означало бы не гибель, а напротив, — подлинное развитие социалистического строя. Такая задача, однако, куда сложнее изменения системы экономического управления. При ее решении неизбежно возникнут серьезные конфликты между общественными слоями с

различными интересами и должны потерпеть поражение заинтересованные только в сохранении своих привилегий и не принимающие во внимание потребности общества.

Я не рассматриваю такого рода конфликты как проявление классовой борьбы. Я не считаю общественный слой, который связан в СССР с процессами руководства (так называемую правящую элиту), классом в марксистском смысле слова. Это не означает, однако, что такая общественная группа не существует и не занимает в обществе очень сильное положение. Поэтому запланированный новым советским руководством переход экономики в фазу интенсивного развития невозможно представить себе без серьезных конфликтов с частью этой социальной группы.

Этим проблемы не ограничиваются. Общественные силы, заинтересованные в сохранении статус кво и выступающие против реформ, действуют не только в рамках элиты. Существующая система предоставляет необоснованные экономические выгоды и некоторым группам рабочих, а также группам, связанным со „второй экономикой“. В то же время группировки, выступившие с инициативой реформы „сверху“, по социальному положению, безусловно, относятся к правящей элите.

Размежевание между сторонниками и противниками реформ (как экономических, так и политических) происходит во всех крупных социальных группах советского общества. Именно поэтому возможны как совершенно неожиданные коалиции, так и весьма различные по своему характеру столкновения. Это, в свою очередь, усложняет выработку программы политической реформы, такой же конкретной, как экономическая, и обеспечение поддержки этой программы со стороны большинства представителей всех общественных групп.

Нынешняя ситуация в СССР такова, что в области экономического управления уже имеется конкретное представление о необходимости изменения ряда институтов (Госплана, отраслевых министерств и отдельных предприятий), о взаимосвязях между ними и, главное, степени их автономии, но в политической системе ничего похожего не происходит. Призывы общего характера (например, к „углублению демократии“ и „развитию самоуправления“ и „новых методов политической работы“),

общим знаменателем которых является усиление критики, расширение гласности и осознание необходимости повышения эффективности руководящей работы, не дополняются конкретными представлениями о необходимых изменениях роли и структуры основных институтов политической системы.

Официальный тезис советского руководства — „перестройка и ускорение развития“ советского общества — неосуществимы без демократизации всех сфер общественной жизни. Но что понимается под этим в нынешних советских условиях? Каких подлинных перемен можно ожидать в случае успеха реформаторской политики?

Даже для самого общего ответа на эти вопросы необходим тщательный анализ исходных положений нынешней политики реформ в СССР.

Демократизация как средство достижения экономических задач

Как известно, основной целью перестройки в СССР является перевод советской экономики со стадии, на которой развитие обеспечивалось преимущественно за счет экстенсивных факторов (рост численности занятых в производстве, увеличение капиталовложений и т. п.), на стадию современного индустриального развития, на которой рост производства обеспечивается его интенсификацией (рост производительности труда, эффективности руководства, развитие науки и техники и т. п.). Такой переход требует от всех участников производственного процесса — от его руководителей до рабочих — инициативы и самостоятельности, новаторства, готовности экспериментировать, заинтересованности в замене привычных методов работы новыми, более эффективными.

„Но что мы видим сейчас? Кому в ходе перестройки хуже всех? Новаторам, активным людям, тем, кто не успокаивается на достигнутом. Эти люди разрушают установившийся стереотип работы некоторых руководящих кадров, заставляют их пошевелиться. Но эти кадры застыли на месте и не хотят менять старое мышление“, — так характеризует создавшееся положение Горбачев в своем выступлении в Краснодарском крае.

Но сказано это очень мягко, будто речь идет о личных чертах „нескольких руководящих работников”. В действительности же советская система в течение десятилетий отдавала предпочтение именно такому типу людей, ставя в невыгодное положение и даже подавляя людей с критическим и новаторским мышлением. Важно, однако, что нынешнее советское руководство сознает необходимость положить этому конец, сознает, что в противном случае перестройка потерпит крах. Нынешнее руководство сознает также, что сопротивление сил, заинтересованных в сохранении застоя, когда им были предоставлены значительные привилегии, можно нейтрализовать только путем давления снизу. Демократизация тем самым представляется необходимой для активизации антибюрократических сил.

Речь, собственно, идет не только о выкорчевывании косных методов руководящей работы, но и о преодолении таких явлений как коррупция, подавление критики снизу, взаимная защита и взаимопомощь бюрократов, достигаемые часто преступными методами материальные выгоды, разложение трудовой дисциплины, алкоголизм, пассивность. Все это создает особую социальную атмосферу, без преодоления которой цели перестройки останутся лишь на бумаге. Советское руководство пытается использовать демократизацию как средство борьбы с перечисленными явлениями. Эти исходные моменты, побуждающие нынешнее советское руководство обратиться к демократизации, существенно отличаются от того, что имеют в виду под развитием социалистической демократии на Западе не только каждый марксист или социалист, но и каждый рабочий. Для граждан развитых промышленных стран демократия (тем более социалистическая) должна решить проблему, как в рамках технократически управляемого функционирующего общества, в котором все усилия направлены на повышение эффективности (и достижение прибыли), действительно реализовать такие интересы, потребности и ценности, которые невозможно поставить на службу повышения эффективности (и достижения прибыли), но без которых жизнь человека теряет смысл. А в представлении советских руководителей демократия должна способствовать ликвидации бюрократической,

основанной на произволе власти, системы диктата над обществом и производительными силами. Она должна способствовать также созданию технократически управляемого функционирующего механизма, и только в случае успеха можно надеяться, что на последующем этапе развития требования к демократии на практике приблизятся к выдвигаемым западными левыми.

В последнее время в советской печати появляются сообщения о затирании неугодных бюрократам людей и даже об увольнении их с работы. Можно прочесть, что партийные бюрократы преследуют журналистов, критически освещавших деятельность бюрократов. В печати можно увидеть сообщения о конкретных случаях, когда не только руководящие работники „заботятся лишь о том, чтобы сохранить прежний порядок, сохранить свои привилегии, несмотря на то, что их действия противоречат социалистическим принципам, законам, морали и нынешней политике” (Горбачев).

Критика такого рода явлений и постепенное их устранение, безусловно, положительный акт. Это можно назвать процессом демократизации. Но это лишь один из аспектов демократизации, который представляется главным и самым важным лишь в советских условиях. Однако если сравнивать нынешние времена с последними годами брежневской эры, то вынуждены будем признать, что и на пути к демократизации был достигнут существенный прогресс.

Основные препятствия на пути политических реформ

Попытки изменить советскую политическую систему затрудняются и тормозятся рядом факторов, как объективных, так и субъективных, частично — действующих в течение продолжительного исторического периода, частично — присущих данному моменту. Но все они вместе взятые обуславливают и ныне табу на проблематику советской политической системы. О ней по-прежнему нельзя говорить так открыто, как уже дозволено обсуждать экономические проблемы.

Рассматривая происходящее в СССР в историческом аспекте, нынешнее советское поколение, представленное всеми

социальными слоями, твердо усвоило, что не только попытки провести перемены на практике, но и попытки сформулировать существующие в рамках данной политической системы противоречия чреваты серьезной опасностью и что судьба инициаторов таких попыток была далеко не завидной. Все еще жива память о сталинском терроре, когда попытки обсудить политические проблемы системы — такие как роль партии, государства, права, общественных организаций и т. д. — расценивались как антипартийный уклон, а те, кто предпринимал такого рода попытки, оказывались в тюрьме или на эшафоте. Допускалось лишь единственное решение политических проблем — предложенное действующим в данный конкретный момент политбюро.

Хрущевские перемены, когда политбюро в последний раз заявило о необходимости перемен в политической структуре, преподали урок, что и проявленная тогда инициатива в этом направлении обернулась против тех, кто с ней выступал. В течение восемнадцатилетнего правления Брежнева вообще не говорили о необходимости реформы политической системы. Застой коснулся и этой области. На попытку провести реформу в Чехословакии ответили советскими танками, а против тех, кто в СССР с симпатией относился к чехословацкому эксперименту, были приняты соответствующие меры. На протяжении двадцати лет в КПСС и других советских политических структурах не проводилось серьезного обсуждения перспектив развития, существующих недостатков и порожденных системой кризисных явлений. Поэтому в настоящее время нет (да и не могло быть) конкретных, продуманных соображений по этим вопросам.

Решающую роль, однако, играет тот факт, что не подвергавшаяся изменениям политическая система СССР гарантировала неизменность привилегий. Привилегии же (как и дискриминация) социальных групп и индивидуумов распределяются в советском обществе в зависимости от места социальных групп и индивидуумов в структуре политической власти. Те, кто находился в выгодном положении ранее, в условиях застоя, склонны отождествлять свои привилегии с социализмом вообще, а потому сейчас видят в переменах „угрозу социализму” и „власть рабочего класса”, то есть прежде всего своим привилегиям.

Все это питает идеологию, в соответствии с которой все аспекты советской политической системы являются не результатом особых исторических (внутренних и внешних) условий строительства социализма в СССР, а непосредственным и единственно возможным воплощением принципов, сформулированных Марксом и Лениным. Ленин говорил о советах как исторически высшем типе демократии по сравнению с парламентарной системой, и сторонники этой идеологии затыкают рот каждому, кто отваживается указать, что Ленин говорил о совершенно иных органах власти, а не о тех, во что они постепенно, главным образом, при Сталине, да и после него, превратились — не о советах, включенных в бюрократический механизм централизованного управления экономикой, не о советах, полностью лишенных прежних полномочий. Эта идеология до сих пор определяет тон разделов новой Программы КПСС о советской политической системе. Не следует поэтому удивляться, что концепция реформы политической системы куда менее ясна, чем концепция экономической реформы.

Из этого вытекает целый ряд серьезнейших проблем, на которые наталкивается политика Горбачева. С одной стороны, корни всех основных проблем современной политической системы СССР, которые в интересах перестройки необходимо решить, уходят в прошлое (сталинское, хрущевское, брежневское). С другой стороны, Горбачев не хочет концентрировать внимание на прошлом, справедливо опасаясь, что переоценка этого прошлого вызовет серьезный раскол в партии, в аппарате управления и в обществе. Уроки хрущевской эры (да и пражской весны) учат, что такой раскол — первый шаг к поражению политики реформ, поскольку переоценка затрудняет формирование как можно более широкой коалиции сил, способных проводить эту политику: выбор людей часто производится в зависимости от того, насколько остро они критикуют прошлое, безотносительно к их способности или неспособности проводить новую реформаторскую политику.

Наиболее серьезное противоречие возникает в связи с тем, что, с одной стороны, для успеха реформ необходимо, чтобы с самого начала ее требовали и „сверху” и „снизу”; с другой стороны, качественно иная степень политической свободы

и независимости действий различных социальных групп и индивидуумов может быть лишь результатом, а не исходным пунктом процесса реформ. В противном случае, при нынешнем экономическом положении СССР, при нынешней позиции его правящей элиты вместо реформы произойдет эскалация противоречий, которая приведет к взрыву, а взрыв, в свою очередь, приведет к насильственному восстановлению стабильности, а тем самым и застою предшествующих годов.

Рамки, за которые политическая реформа в СССР не выходит

Всем этим в значительной степени предопределены реальные возможности изменений советской политической системы в ближайшие несколько лет. Нельзя ожидать, что принципиально изменятся основные звенья советской политической системы, например, что монополярная позиция коммунистической партии пошатнется в результате победы на выборах иной оппозиционной партии. Я считаю, однако, что это не означает невозможности для СССР вступить на путь качественных изменений существующей политической системы в направлении демократизации управления обществом. Но это будет длительный путь, эту задачу придется выполнять нескольким поколениям. Ближайшие 10—15 лет могут сыграть решающую роль в обеспечении необратимости процесса демократизации, в предотвращении того скачка назад, который имел место после хрущевских экспериментов.

В ближайшее время представляется вероятной демократизация все еще авторитарного процесса принятия и реализации политических решений. Это прежде всего будет означать изменение стиля работы в рамках существующих институтов политической системы. Процесс принятия решений и впредь будет авторитарным, однако его будут сопровождать консультации с обществом и различными социальными группами. Такая перемена еще не обеспечит демократического самоуправления общества, но она усложнит, а, возможно, и исключит принятие решений, не одобряемых существенной частью общественности.

Такой промежуточный этап представляется мне необходимым для СССР не только потому, что радикальная демократизация „сверху” невозможна из-за яростного сопротивления части правящей элиты, но и потому, что „снизу” еще долго не будет давления, вынуждающего обращение к демократическим принципам руководства. С одной стороны, исторические традиции, а с другой — сиюминутные интересы различных общественных групп (не только входящих в правящую элиту!) обеспечат сохранение авторитарной политической системы, в том числе призывы к „твердой власти”, способной „восстановить порядок”.

В то же время политическому руководству, стремящемуся реализовать цели, связанные ныне в СССР с политикой „перестройки и ускорения”, необходимо удержать в своих руках влияние в центре и использовать его в интересах реформы. Это особенно необходимо на том этапе, когда старый механизм уже не может действовать сам по себе, а новый еще не стал достаточно дееспособным в экономической и социальной областях. В таких условиях руководство, действительно заинтересованное в проведении реформы, не может отказаться от действующих элементов системы управления: в противном случае оно утратило бы возможность оказывать влияние на ход реформы.

На этом промежуточном этапе вряд ли можно ожидать создания качественно новых институтов системы, т. е. институциональных гарантий демократической системы управления — институтов, ранее не существовавших в СССР. Но только такого рода институциональные гарантии будут означать, что процесс демократизации стал необратимым. Чтобы политическая реформа в СССР приобрела значение для процесса перестройки в целом, необходимо уже в самом ближайшем будущем снять запрет на обсуждение политической системы хотя бы в такой мере, в какой это было сделано в области экономики. Какие проблемы выйдут в рамках такого обсуждения на первый план, мы рассмотрим ниже.

Единство и разделение интересов в советском обществе

Экономическая и социально-политическая система СССР формировалась и развивалась в таких условиях, когда для ее выживания требовалось любой ценой выполнить ряд первоочередных задач, выдвинутых сверху. Так было и в период революции, и во время войны, и при осуществлении некапиталистическим путем экстенсивной индустриализации, проведенной в исключительно короткое время без помощи индустриально развитых государств. Все это подтверждало необходимость концентрации и централизации власти. Цели, не выдвинутые и не запрограммированные сверху, рассматривались как помехи функционированию системы. Потому-то система и выработала механизмы, при помощи которых подавлялось все противоречащее воле и замыслам центра.

При этом казалось, что различия в интересах и противоречия между ними играют важную роль только в обществе, где в классовой борьбе сталкиваются интересы пролетариата и буржуазии. После победы революции классовая борьба продолжалась (на нее-то и ссылались для оправдания массового политического террора), однако различиям социальных интересов в новой общественной структуре идеология не придавала серьезного политического значения. Решающим фактором стало „морально-политическое единство советского общества“, наличие которого признавалось априорно, безотносительно к политической реакции и интересам различных социальных групп, составляющих „советское общество“.

Только после 1956 г. в течение короткого промежутка времени официальная идеология КПСС как будто бы стала допускать анализ проблемы единства и различия социальных интересов, чтобы извлечь из этого политические выводы. Но все свелось к схоластическим дебатам, носят ли эти противоречия „антагонистический характер“.

В течение десятилетий идеологическая концепция политической системы СССР исходила из того, что ее главная задача — отобразить и обеспечить единство советского общества. Официальная идеология, однако, не признавала, что для этого прежде всего необходимо выявление интересов отдельных групп,

рабочих коллективов и индивидуумов, и что только на основе этих частных интересов можно определить объединяющий всех интерес. Только так единство общества может быть достигнуто демократическим путем. Но сформулированное еще Сталиным положение, что советское общество состоит из трех социальных групп — рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции — приводило к заключению, что политическая система СССР вообще не должна заботиться об обеспечении выражения интересов других социальных субъектов.

Такое понимание социальной структуры населения СССР скрывало его деление в соответствии с ролью людей (групп) в принятии решений и в процессе управления экономикой и общественной жизнью, как если бы не существовало различий интересов между руководителями и руководимыми, как будто эти различия исчезли вместе с ликвидацией частной собственности, поскольку руководители государственных и кооперативных предприятий частными собственниками не являются.

Однако не может быть и речи о действенной борьбе против бюрократии, пока находится под запретом идея, что само положение определенных групп и индивидуумов в структуре власти дает им возможность ставить свои интересы (сохранение своих привилегий и организационных структур, более удобных для них как требующих меньше инициативы и ответственности) выше интересов руководимых ими групп, которые следует защищать прежде всего.

Начало дискуссии о наличии различных интересов в советском обществе

Важным критерием серьезности отношения руководства КПСС к лозунгам о развитии демократии и необходимости перемен в системе, серьезности его намерений осуществить эти перемены, является подход к социальной структуре и к наличию различных интересов у людей.

Примером такого подхода может служить статья Т. Заславской в журнале „Коммунист“ от 13 сентября 1986 г. В этой статье самое интересное, что, по Заславской, классовое деление не является единственным видом разделения общества на

социальные группы. Она отмечает, кроме классов, другие крупные общественные группы: нации и народности, городское и деревенское население, представителей физического и умственного труда (т. е. группы, которые традиционно признаются идеологией КПСС). Заславская, однако, утверждает, что „согласования коренных интересов этих групп... для решения современных проблем далеко не достаточно”. Нынешняя политика и соответствующие ей механизмы должны направлять и приводить в соответствие „интересы групп, представляющих разные ведомства, отрасли народного хозяйства, типы поселений (например, старые и новые, большие и малые города)... профессиональные группы, группы по квалифицированному труду и должностные группы работников, группы населения по типам занятости... социально-демографического характера” и т. д.

Таким образом, картина советского общества становится несравнимо конкретнее и живее, нежели в традиционно упрощенной идеологической трактовке. Такое идеологизированное понятие как „всенародный интерес” в этой статье воспринимается не как пустая фраза, а как сложное общественное явление. „Общим критерием выделения групп, — пишет Заславская, — являются существенные различия определенных сторон их положения в обществе: характер труда, места в управлении экономикой и обществом, уровня структуры доходов, места жительства, принадлежность к той или другой нации и т. д. *Ведь группы, занимающие разное положение, как правило, имеют разные интересы, согласование которых друг с другом, а также с интересами общества и является целью политики*” (подчеркнуто мной — З. М.).

С того момента, когда задачи политики будут таким образом осознаны в СССР, станет недалеко от вывода, что политическая система должна представлять возможность выявлять и определять самые разные (и даже взаимно противоречащие) социальные интересы, которые можно будет „согласовать друг с другом, а также с интересами общества”. Только если практические перемены советской системы будут проводиться в этом направлении, можно будет действительно говорить о ее демократизации. Пока же не только практические перемены, но и теоретические дискуссии в СССР до этого не дошли. Пока что в СССР

говорят не о необходимости представить возможность проявления различным социальным интересам, а о том, что „руководящие органы” должны знать об этих интересах, учитывать их при принятии решений и использовать для достижения своих целей. В отличие от теоретических выкладок в связи с попытками реформ 1956—1968 гг., исходным пунктом нынешних дискуссий в СССР является не гуманистический аспект марксизма, а тезис, что „объект управления” — человек — изменился: он стал более образованным, повысился его культурный уровень, он требует более широкой информации, больше знает о своих правах, у него повысилось чувство собственного достоинства. Все это ограничивает возможности административного и экономического принуждения человека к производительному труду: эффективнее будет работать тот, кто заинтересован в результатах своего труда, а этого можно достичь, лишь если „руководящие органы” будут лучше знать его разнообразные интересы и уважать их. Пока этого нет, люди зачастую отчуждены от своего труда и „переносят свои интересы в другие области”.

Нынешний подход к разнообразию интересов населения СССР основан на технократической, а не демократической идее. Это, однако, не означает, что технократический подход не открывает двери демократизации.

Разнообразие интересов и политическая система СССР

Разумеется, нельзя утверждать, что существующая в СССР политическая система совершенно не представляет возможностей для выражения интересов разных групп общества. В СССР имеются такие общественные организации как профсоюзы, комсомол, спортивные общества и др. Проблема, однако, в том, что эти организации были созданы лишь для частичного выражения интересов общества, их главная задача — быть „приводными ремнями”, эти организации содействуют реализации линии центральной власти, но не оказывают „давления снизу” посредством информирования руководства об интересах данных

групп, т. е. они — не звенья обратной связи, а объекты для директив сверху.

Опыт показывает, что при попытках реформировать систему советского типа (в 1956 г. в Польше и в 1968 г. в Чехословакии) перемены в этих массовых организациях начинались именно с попыток установления системы обратной связи. С одной стороны, возникали новые, прежде не существовавшие организации, а с другой стороны, в массовых общественных организациях (профсоюзах, союзах молодежи и др.) стали проявляться тенденции к децентрализации, к большей автономии их составных частей и, разумеется, стремление избирать представителей общественных организаций, а не получать назначения от партийного аппарата. Значительная часть правящей элиты рассматривала этот процесс как свидетельство „разложения системы” и победы „анархистских тенденций”. В СССР следует ожидать еще более острой реакции такого рода. Неизвестно, будет ли в СССР процесс активизации общественных организаций проходить так же, как в европейских странах. Там (особенно в Чехословакии) „в низах” стали создаваться новые организации, объединения и союзы, поскольку имелась такая традиция, граждане еще помнили формы выражения своих интересов. В СССР ныне нет ничего подобного в памяти общества.

Не исключено поэтому, что в обозримом будущем реформы в СССР ограничатся изменениями стиля и методов работы в рамках уже существующих форм общественных организаций, к которым добавятся некоторые новые, но созданные по образцу уже существующих. Такого рода перемены, собственно, уже начались.

Однако раньше или позже и политическая система в СССР вынуждена будет ответить на гораздо более серьезные вопросы. До сих пор советская система стремилась прежде всего к тому, чтобы все — различные и часто совершенно неполитические — интересы людей были поставлены под контроль центральной власти. Для этой цели использовались огромные, общегосударственного масштаба общественные организации, и тем самым эти интересы политизировались и использовались для достижения задач политики и идеологии, поставленных центром безотносительно к интересам различных групп. Разнообразие интересов

рассматривалось как инструмент достижения единых ранее выдвинутых целей, а не развития инициативы, зарождения альтернативы, выработки разнообразных подходов и методов решения общественных проблем.

В политической сфере, как, собственно, и в экономической руководить можно, поддерживая факторы интенсивного развития — новаторство, новые методы и способы деятельности, или подавляя и ограничивая возможности проявления нового. В условиях ныне действующей в СССР системы с централизованными общественными организациями, автономия которых ограничена контролем партийного, а иногда и государственного аппарата, в которых подавляется критика и демократические методы работы, тем самым подавляются и факторы интенсивного развития в более широком, неэкономическом смысле слова.

Управление, опирающееся на факторы интенсивного развития, руководствуется принципом „дозволено все, что не запрещено”. Управление же, подавляющее интенсивное развитие, руководствуется совершенно иным принципом: „запрещено все, что не разрешено”. При действии первого принципа вырабатываются правовые нормы возникновения общественных организаций, объединений и союзов людей с общими интересами. В таких условиях каждой общественной группе или коллективу предоставляется автономия (даже вопреки стремлениям государства ограничить эту автономию в большей степени, нежели допущено законом), и эти группы могут по собственному усмотрению вырабатывать, изменять или отменять формы выражения своих интересов.

Специфические проблемы советского общества

Проблемы, о которых мы говорили выше, характерны не только для советской системы управления. Можно сказать, что они существуют и в странах свободного предпринимательства. Однако официальная советская идеология утверждала, что при социализме автономия управляемых субъектов должна подавляться для осуществления интересов центра. Система, ориентированная на интенсивное развитие общества, ранее

определялась как пригодная лишь для капитализма („буржуазного либерализма” и т. д.). Советской идеологии придется еще вернуться к этим проблемам. Их решение станет возможным, если развитие в СССР пойдет по пути, провозглашенному нынешним советским руководством.

Следует отметить, что советское общество не может просто заимствовать модель политического плюрализма, существующую в развитых странах свободного предпринимательства, потому что в СССР социальные субъекты, которые должны получить соответствующую степень автономии, иные. Советское общество более гомогенно в социальном отношении. Распределение групп по имущественному цензу практически не играет роли, гораздо большее значение имеет положение в общественном разделении труда, его роль в структуре управления и т. п.

Решающее отличие, однако, в том, что в капиталистическом обществе принятие экономических решений (если говорить о процессе производства) в принципе отделено от политической демократии, поскольку экономика действует как самостоятельная, саморегулирующаяся система, а в советском обществе связь экономики с политикой останется иной даже в случае успеха реформ. Политическое управление в условиях обобществленной экономики (безотносительно к тому, является ли собственником государство, самоуправляющиеся или кооперативные предприятия) должно решать совершенно новую проблему: как в систему, где политические решения принимаются демократически, включить экономику (имея в виду и воспроизводство). Существующая ныне в СССР система соответствует авторитарной и бюрократической модели управления, которая противоречит требованиям интенсивного экономического развития. Это противоречие и является особенностью советского развития на протяжении длительного времени.

Наряду с этой особенностью существуют и другие, действующие не столь константно. Они возникают не потому, что СССР — некапиталистическое государство, а потому, что в Советском Союзе на протяжении десятилетий господствовала бюрократическая, авторитарная, подавляющая демократию система, соответствовавшая традиции полуфеодальной царской России. В настоящее время против реформы выступают, с одной

стороны, официально не организованные, но в действительности весьма сильные и разветвленные кланы и группировки правящей элиты и других социальных слоев. Это группировки, заинтересованные в сохранении коррупции, различных привилегий, системы протектирования и т. п. Они, разумеется, будут жестоко сопротивляться тому, чтобы противящиеся этим явлениям группировки получили возможность отстранить их от общественной жизни. Речь идет не об отдельных лицах. Интересы сотен тысяч людей — от местных органов власти до всесоюзных, от экономических учреждений до милиции — связаны с сохранением статус кво, с провалом реформ. Определенные слои правящей элиты срослись с преступными элементами (например, в системе торговли), и это создало „плюралистическую заинтересованность” в сохранении недемократической, бюрократической системы.

С другой стороны, реформе противодействуют порожденные статичностью истекших десятилетий — апатия и страх перед нарушением застоя. Широко распространено неверие в возможность подлинных перемен. Люди запуганы и предпочитают выжидать.

Борьба с этими особенностями советской действительности — это борьба не за социалистические идеалы, а просто за современное цивилизованное управление.